

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ЧЕЛОВЕК
В ЧУЖОЙ
ФОРМЕ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Алексей Дурасов*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Человек в чужой форме / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-180299-8

Послевоенная Москва активно отстраивается. Расширяется и текстильная фабрика, которой помогает воинская часть полковника Кузнецова. В какой-то момент у директрисы фабрики возникает подозрение, что полковник — совсем не тот, за кого себя выдает, он не чист на руку и использует махинации. Такие же предположения и у оперативников, которые давно присматриваются к этому якобы «офицеру». Но у них нет доказательств, чтобы уличить зарвавшегося жулика. Они не догадываются, что за Кузнецовым уже давно следят местные «сыщики» — Колька Пожарский и его компания. У них даже готов план захвата злодея. Однако в последний момент, переоценив свои силы, ребята неожиданно оказываются лицом к лицу со смертельной опасностью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180299-8

ПРОЛОГ

Очнулась глубокой ночью, испугавшись, что проспала. Глянула на часы, висевшие над кроватью: полтретьего.

«Совсем разваливаюсь. Нервы ни к черту».

Сигареты еще вчера все вышли, пришлось разжиться мужскими. Втиснув одну в мундштук, закурила, встав у окна. Там было белым-бело, пусто и полосато: сперва накатанная снежная дорога, лес, далее снова — гладкий, как стекло, заснеженный луг, потом снова деревья, деревья, и за ними поблескивает железная дорога, единственным выходом и итогом.

Она привычно размечталась, потягиваясь: «Взять бы билет на поезд куда-нибудь далеко-далеко, на край света, Хабаровск или, там, Улан-Удэ... Ничего, глядишь и поедешь, да еще и без билета, в полосатой робе».

Как же ярко сверкает снег под полной луной, аж глаза режет...

Ан нет, не тень это, не блик. Это он там стоит, в знакомом пальто, в своей распрекрасной шляпе, смотрит прямо в окно, закинув голову, и как зло,

глумливо поблескивают на свету очешные стеклышки.

Она вздрогнула от рыжей макушки до пяток, отпрянула от окна, спиной прижалась к стене, зажмурилась — и все-таки как гибельно, неодолимо тянуло глянуть снова.

«Прекрати, глупо», — и немедленно высунула нос, очень осторожно, точно из-за бруствера.

Разумеется, не было никого под окнами.

«Показалось. Наверное, тень от еловых лап да нечистая совесть».

Он, подобравшись со спины, как всегда неслышно, обнял, поцеловал, шепнул на ухо:

— Отстреливаемся?

— Все шутишь! — И все-таки на сердце заметно полегчало, стало куда спокойнее.

Такой уж он человек, действенный, как веронал. Вздохнув, закинула руки ему на шею, прижалась, спрятав лицо на груди:

— Уедем? Давай, а?

— Куда же?

— Все равно, главное, чтобы далеко-далеко. Папы больше нет, некому за меня заступиться. А ты можешь. Ты же все можешь, правда? Я не вынесу так больше.

Он, целуя мокрые глаза, шептал:

— Золотая моя, куда ж мы все бросим, на кого? Иван-дурак кукуется, как бы не натворил чего, а бежать просто так — себя же оговорить. Ну а твой...

ЧЕЛОВЕК В ЧУЖОЙ ФОРМЕ

— Не говори про него. Он меня убьет.

— Ох. Что ты. Он занят лишь тем, чтобы денежки распихивать по кубышкам. Да и почитает себя великим комбинатором, Макиавелли, так просто он мараться не будет...

— О меня? Спасибо, — фыркнула она и попыталась оттолкнуть, но он держал крепко. Голос его изменился, стал повелительным:

— Довольно. Успокойся, соберись. Что на тебя нашло?

— Боюсь. Я знаю, ты хочешь меня бросить. Я была тебе нужна как выход на папу, на мужа...

— Ох. Глупая ты, глупая.

Чуть оттолкнув ее от себя, он пошарил в тумбочке и вынул коробочку, обтянутую зеленым бархатом:

— На́ вот.

— Что это? — всхлипнула она, но в заплаканных кошачьих глазах уже заискрило, слезки, как бы сами втянувшись, высохли.

— Думал на Новый год подарить. Да вот не терпится узнать, угадал я с цветом?

Она, открыв крышечку, опешила.

— Да ты с ума сошел! Пусти.

Но он уже орудовал, бережно, умело вдевая сережки в мягкие мочки:

— Тс-с-с, не дергайся, уши оборву. Вот, теперь смотри, — и, включив бра, развернул ее к зеркалу.

В нем отразилось очаровательное, пылающее от удовольствия молодое, но уже тронутое време-

нем и горем личико, в обрамлении небрежно рассыпавшихся рыжих кудряшек. Над все еще свежим ртом красовалась бархатная нежная мушка, но наметилась боковая складка, и один край уже пополз вниз, сияли прозрачные зеленые глазки, под которыми уже лежали глубокие тени. И свежие изумрудные блики от сережек лишь подчеркивали следы увядания.

— Какая красота...

Он обнял ее, любуясь:

— Угадал. Смотри, как играют на свету. И в жизни никто не догадается, что это не бутылочные осколки.

— А что же? — не подумав, спросила она и застеснялась.

— Изумруды, моя прелесть. Теперь спать, а то с утра некрасивая будешь.

— И ты меня разлюбишь?

— Обязательно. Мигом в койку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В последнее время Колька Пожарский начал серьезно подозревать: то ли что-то сломалось в земном порядке, то ли грядет грандиозный шухер. Ибо мировая тельняшка приберегала для его семейства исключительно белые полосы, что всегда подозрительно.

О спиртном батя абсолютно позабыл, добросовестно, безропотно трудился на своем скромном месте: сторожем в промтоварах. Однако при этом в свободное время дни и ночи просиживал над литературой: изучал, подсчитывал и чертил. В паре случаев подкинул интересную идею по металлообработке, так что в итоге простым изменением угла приложения удалось ускорить процесс и улучшить.

Даже вечно всем недовольный мастер Семен Ильич восхитился: тут на патент, не меньше. Отец лишь улыбался: никакого смысла в формальностях и волоките он не видел никогда, считая, что наградой должна быть не бумажка в рамочке и даже не премия, но сама работа.

Главврач Шор, Маргарита Вильгельмовна, поставила Антонину Михайловну перед фактом: с понедельника вы — старшая над медсестрами. И как-то так само получилось, что никто не возражал, то есть недовольных не было.

Наташка — теперь первоклашка — тоже пристроилась, как солидно заявляла сама, «в медицине». После школы бежала к маме, управившись со своими крючками-прописями, облачалась в белый халат, специально подрубленный по ее коротышечному росточку, и хлопотала. Помогала при смене белья, раздаче питания и без капризов драила не только посуду, но и места общего пользования. Теперь и не узнать вечную плаксу: что бы ни делала, она не проявляла ни тени недовольства. Невыносимая Наташка превратилась в настоящее золото, а то и со впаянными алмазами мамкиного наследства, терпением и трудолюбием.

У самого Кольки все шло без сучка-задоринки, он уже почти верил: скоро непременно удовлетворят и его ходатайство на условно-досрочное. Правда, незаменимый Сорокин, который всегда мог подсказать, куда, что да как писать, загремел в больничку, далеко в центре, и пока неясно, когда вернется.

Пожалуй, это самое плохое событие за последнее время. Главное, ничего не предвещало: только-только сидел капитан, копался в бумагах — и вот побледнел, глаза завел и опал, как

озимые. Прибывшая на «Скорой» врач сориентировалась немедленно: у нас не откачаем, срочно возем в Семашко. Пospели вовремя, откачали, руки-ноги двигаются, разговаривает внятно, слюни не текут — и то хлеб, есть надежда.

«Ничего, наше от нас не уйдет», — рассудил Колька. Пока же можно с полным правом наслаждаться тем, что есть: отличным снегом, морозом и предвкушением небольшого забега в хорошей компании. Как раз есть время проглотить что-нибудь и подправить смазку новехоньких лыж.

Дома, кроме отца, не было никого. Игорь Пантелеевич, подняв глаза от книг и брошюр, разложенных на столе, спросил:

— Ты перекусить, что ли? Сейчас погрею.

— Пап, да брось. Что я, безрукий? Не отвлекайся.

Отец отшутился:

— Ладно ершиться. Дай понянчиться с крошкой-сыном.

Налив щец щедро, «с горкой», нарубив не менее полбуханки, Игорь Пантелеевич пристроился напротив за столом. Колька, голодный с мороза, отправив в рот несколько ложек, остановился и проворчал:

— Смотришь, прям как мама, аж кусок в горло не идет. Пап, случилось что?

— Случилось, — признался отец.

Невольно защемило сердце.

— Выкладывай.

И Игорь Пантелеевич выложил кратко: через неделю он приступает к работе на «почтовом ящике», разрабатывающем приборы и, вообще, авионику для нужд гражданской и военной авиации.

— Это наверняка? — замирая, уточнил Колька.

— Абсолютно, — заверил отец, подливая еще поварешку.

И продолжил поражать: заниматься предстоит испытанием новых образцов приборов, в качестве врио руководителя лаборатории. Это для начала, а через несколько месяцев — на повышение.

— Станешь заведующим! Куда ж прежний-то делся, что ли подсел? — ворчливо спросил сын. Он был на седьмом небе, чувствовал: если он чего-нибудь не скажет, грубости какой, то просто лопнет от ликования. Так распирало, что надо было снизить градус радости.

— Да вот делся. Устал, наверное, — отшутился Игорь Пантелеевич.

Не светила бы ему никакая лаборатория, если бы не одно обстоятельство камерного характера, от посторонних глаз надежно скрытое.

А именно: за последние полгода в результате масштабной чистки на авиазаводах страны полетело множество голов. Корректные товарищи в серых костюмах — ревизоры из Мингосконтроля — без особого напряжения повскрывали множество интересных вещей: от невыполнения

плана до разбазаривания авиабензина, от нарушения финансовой дисциплины до незаконного содержания на балансе футбольных команд, проведенных по подсобному хозяйству как молодняк на откорме.

Что до конкретной лаборатории, в главы которых прочили Игоря Пантелеевича, то тут речь шла о банальном перерасходе спирта. Он не без оснований рассудил: Кольке все это знать ни к чему, к тому же имеется иной момент, который надо обговорить прямо сейчас.

А именно: Николаю снова придется оставаться за старшего.

— Дело вот в чем. Рабочий день, как ты понимаешь, ненормированный, а два часа в один конец на дорогу тратить бессмысленно. Выделяют на первое время койку в служебном помещении, в общежитии на Бахметьевской, прямо рядом с заводом. Да не семейное оно, и к тому же у нас жилплощадь эта имеется. Так что если и буду выбираться, то лишь на выходные.

— Пап, ну так ничего страшного. Не война, чай, переживем.

— Что, спишь и видишь, как бы от бати избавиться?

Разумеется, Игорь Пантелеевич подтрунивал. И ему, человеку по складу семейному, тяжеловато будет одному.

— Ты же приезжать будешь, да и мы выбираться, — заметил сын.

— Да это понятно.

— Вряд ли будет время тосковать.

Отец согласно кивнул:

— Само собой.

Признаться, Пожарский-старший лелеял тайную мысль о переезде. После реабилитации он серьезно работал над восстановлением прежних навыков, реанимировал английский, поскольку немецкий после плена у него и так был на уровне переводчика, разве техническую терминологию подтянуть. Чем он активно и занимался.

Очевидно было, что в нем, Пожарском, теперь серьезно заинтересованы, иначе не стали бы ни предложение выдвигать, ни под большим секретом намекать на то, что и в смысле жилья «все возможно».

Нет, Игорь Пантелеевич не бредил тем, как бы покинуть родную окраину, но все-таки отдельная квартира и ближе к центру — тут тебе и культура, и образование. На предприятии имеется медкорпус, санатории, или вот, рядом с заводскими помещениями — аж две больницы, так что при желании и Тонечке найдется место. Если так, то все сложится отлично: уже полгода как она старшей медсестрой трудится, как раз еще шесть месяцев, пока все утрясется, — и отношение к ней будет совершенно иное. На каком угодно месте примут.

На семейном совете, как только утихли восторги и ликования, размышления Игоря Панте-

леевича поддержали: не время семейно переезжать. Антонина Михайловна резонно заметила, что не может подложить свинью Маргарите, она на нее рассчитывает. Колька упирал на то, что добираться неудобно в ремесленное. «И Ольга», — думал, но не сказал он, родители и так понимают. Наташка тоже приуныла: все-таки только первый класс, привыкла уже и к друзьям-подружкам, и к первой учительнице, ходила в любимицах. Да и Оля нет-нет да забежит проведать, как там «сестренка», принесет конфет или булку.

В общем, все обязательно будет хорошо, но не сразу.

Тут Колька, спохватившись, молниеносно навострил лыжи и умчался проветриться, а Наташка завалилась в кровать — как солидно заметила, «отсыпаться после смены». Супруги же все обговорили окончательно.

— Тонечка, ты же понимаешь.

— Ты все правильно решил, Игорек. Считаю так: ни в коем случае нельзя отказываться. Во-первых, второй раз могут не предложить, во-вторых, специалисты нужны стране, нехорошо манкировать.

Игорь Пантелеевич, вздохнув, согласился:

— Оно так. Да просто как представляю, что приходишь после работы, а вас и нету.

— Тебе не до тоски будет, — с улыбкой заметила Антонина Михайловна, поглаживая его по руке, — знаю я тебя: заработаешься до такого со-